

A thin black circle is centered on the page. Inside the circle, the text "ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА" is written in a clean, sans-serif font, centered horizontally and vertically.

ОБРАТНАЯ
СТОРОНА
ПРАЗДНИКА

Оглавление

<i>Пролог</i>	7
Глава 1	15
Глава 2	41
Глава 3	65
Глава 4	84
Глава 5	102
Глава 6	124
Глава 7	153
Глава 8	174
Глава 9	195
Глава 10	220
Глава 11	241
Глава 12	262
Глава 13	280
Глава 14	305
Глава 15	326
Глава 16	343
Глава 17	366
Глава 18	391
Глава 19	411
Глава 20	429
Глава 21	450
Глава 22	469
Глава 23	490

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 24	516
Глава 25	534
Глава 26	552
Глава 27	576
Глава 28	602
Глава 29	619
Глава 30	643
Глава 31	668
Глава 32	692
<i>Сноски</i>	712
<i>Признательность</i>	725

Пролог

Однажды вечером, в середине 1990-х, я присутствовала на семинаре, посвященном Эрнесту Хемингуэю и его творчеству, в Коммерческой библиотеке города Нью-Йорка. Библиотека была известна своей насыщенной программой, которую составлял тогдашний директор, Гарольд Огенбраум. Этот вечер не стал исключением. В последние годы на Хемингуэя обрушился шквал критики. В 1987 году Кеннет Линн выпустил весьма спорную биографию писателя, и поклонники Хемингуэя были потрясены открытием, что в ранние годы Эрнеста одевали как девочку, и это, по утверждению Линна, сформировало психику и сексуальность писателя; кроме того, биограф рассказал об эротическом фетише Хемингуэя — волосах, — и с тех пор этот факт многие читатели принимают как безоговорочный.

Роман *«Райский сад»*, изданный после смерти Хемингуэя в 1986 году, казалось, раскрывал необычную сторону писателя — его одержимость андрогинностью. Главный герой и героиня книги остригают и окрашивают свои волосы так, чтобы стать похожими друг на друга и стереть гендерные различия — и точно так же в откровенных сексуальных сценах они выходят за рамки традиционных мужских и женских ролей. Примерно в это же время Хемингуэй и его место в западной литературной традиции подверглись настоящей атаке, поскольку читатели, ученые, преподаватели и активисты немедленно поставили под сомнение важность всего того, о чем «мертвые белые мужчины», вроде Хемингуэя, могли нам сообщить в эпоху мультикультуры, которая более не предоставляла им автоматического превосходства. Так называемый кодекс Хемингуэя — суровый, стоический подход к жизни, который, казалось бы, подменяет собой настоящее мужество и идеалы силы и умений иными достижениями, — кажется все больше ограниченным и навязчиво маскулинным.

Тем вечером в Коммерческой библиотеке эти вопросы взбаламутили воду. Должны ли мы по-прежнему читать Хемингуэя? Актуальны ли поднимаемые им проблемы? Был ли Хемингуэй геем? (Простой и короткий ответ — нет.) Почему он не создал сложный женский образ? Может ли Хемингуэй вообще что-то сказать людям разных рас и национальностей? С положительной стороны, приобретает ли большую значимость его глубокое понимание мира дикой природы в эпоху роста экологического сознания? Если мы должны и дальше читать Хемингуэя, то нам нужно обратить внимание и на то, *как* его читать.

После окончания лекции обсуждение оживилось. Модератор обратился к крепкому мужчине со стрижкой «ежик». Я узнала в нем профессора и критика, писавшего о литературе периода 1920-х годов и в особенности большое внимание уделявшего другу Хемингуэя Фрэнсису Скотту Фицджеральду. «Я хочу сказать только одно, — заявил он, вставая со своего места. — Именно Хемингуэй дал мне возможность делать то, что делаю».

Потом я долго думала о том, что же он хотел сказать. Кажется, он имел в виду что-то очень конкретное и личное — что читать литературу и писать о ней может быть призванием. Он говорил не о преподавательской работе и не о заработках. Он говорил о том, может ли творческая работа быть приемлемым занятием для мужчины, как с его собственной точки зрения, так и с точки зрения окружающих. Хемингуэй, не только со своими внелитературными хобби (спортсмен-рыболов, охотник, боксер и страстный любитель корриды), но и в качестве иконы массовой американской культуры, был сама персонификация мужества — *и он был писателем*. Малейший налет феминности или эстетизма, прилагаемых к сочинительскому труду, был подчищен полностью.

Мне напомнили о довольно необычном заявлении, сделанном на склоне лет писателем и редактором Гарольдом Лебом, ставшим прототипом Роберта Кона в первом крупном романе Хемингуэя *«И восходит солнце»* — любовника леди Бретт Эшли, который показывает себя занудой и нытиком на фестивале в Памплоне. Это было едва ли лестное изображение, но Леб не забывал, почему его, как и многих других, привлекал Хемингуэй, когда они оба были молоды: «Я восхищался сочетанием суровости и чувствительности. <...> Я давно подозревал, что одной из причин дефицита хороших писателей в Соединенных Штатах был расхожий стереотип — что творческие люди не вполне мужественны. Это хороший знак, что мужчины вроде Хемингуэя брались за литературу».

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА

Когда в следующие дни я обдумывала все произошедшее на семинаре и писала о самом Хемингуэе, мне казалось, я понимала слова критика, сказанные в тот вечер. Но я не могла объяснить себе рискованного, эмоционального и очень личного характера признания. Я не могла понять его *страсти*. Мне казалось, было сказано что-то такое о том, как быть мужчиной и писателем, и это заставляло меня чувствовать себя за бортом.

Недостатка в биографиях Эрнеста Хемингуэя нет — одна из них включает в себя целых пять томов. Первый биограф писателя, Карлос Бейкер, уже в 1969 году установил планку, и те, кто пошел по его стопам, подготовили впечатляющие и по большей части пронизательные исследования. Однако не существует пока ни одной биографии Хемингуэя, написанной женщиной. Это не значит, что такая биография должна быть особенной; в целом меня интересуют другие аспекты жизни Хемингуэя в сравнении с теми, что привлекали предыдущих биографов (мужчин). Я не стану описывать, что это за аспекты: я предпочла бы не поддерживать мнение, что точка зрения мужчины и женщины на то или иное событие или явление фундаментальным образом отличается. По сути, исследование творчества Хемингуэя представляет собой сооружение резко полярной, культурной конструкции пола — то есть сексуальные роли определяются воздействием на нас внешних событий, а не нашими генами. Именно благодаря таким фигурам, как Хемингуэй, определяется маскулинность — даже если та же самая культурная конструкция затрагивает и его в свою очередь.

Прежде чем обратиться к Хемингуэю, я написала биографии двух других крупных писателей, которые также помогли охарактеризовать американскую маскулинность как самой своей жизнью, так и собственным творчеством: Генри Миллера и Нормана Мейлера. Миллер, такой же парижский эмигрант, как и Хемингуэй, но творивший на десять лет позже, что любопытно, никогда не упоминал Хемингуэя, хотя как тот, так и другой жили жизнью — как может показаться со стороны, — которую можно назвать мечтой многих мужчин. Мейлер был большим поклонником как Миллера, так и Хемингуэя; и хотя, возможно, он больше любил творчество Миллера, он охотно признавал Хемингуэя «самым великим писателем Америки из ныне здравствующих». Тем не менее он признавал, что в какой-то момент жизнь и творчество Хемингуэя слились в одно целое — и что без хемингуэевского образа сурового красавца-мужчины, человека дела, его творчество воспринималось бы по-другому. Мейлер

просил нас согласиться, насколько «глупыми» казались бы «*Прощай, оружие!*» или «*Смерть после полудня*», если бы... «они были написаны человеком пятидесяти четырех лет, который носит очки, разговаривает пронзительным голосом и несколько трусоват». Пожалуй, убедительный довод, но насколько он в действительности полезен?

Когда я начала обдумывать создание биографии Хемингуэя, то спросила себя, может ли женщина дополнить чем-нибудь эту тему, о чем не сказали предыдущие биографы. Возможно, все дело в том, что я *не входила* в число приверженцев писателя.

Я не внесла никакого вклада в легенду Хемингуэя. Несомненно, я подошла к исследованиям с собственным багажом, но я не вижу, что именно эта легенда могла бы предложить читателю-женщине. Меня не интересует, кто и что сказал о волосах на чьей-то груди — что стало поводом к драке между Хемингуэем и Максом Истменом в издательстве «Скрибнерс» в 1937 году. Я думаю, мы должны отступить от того, что подпитывало легенду, — в конце концов, в эпоху постмодернизма мы осознали, что наши героини несколько не похожи на собственную легенду либо не соответствуют ей вообще, — и рассмотреть условия, сформировавшие этого удивительно сложного человека и блестящего писателя.

* * *

Однажды я подумала, что лучше стала бы понимать Хемингуэя, если бы лучше узнала те годы, когда он начинал свой творческий путь, в Париже, в 1920-е годы, когда он еще не успел прославиться и стать таким, каким мы знаем его теперь. Я придумала, как могла бы представить его себе: я представила красивого молодого человека, который появился из ниоткуда и оказался в Гринвич-Виллидж или, что вероятнее в те дни, — в Уильямсбурге, Бушвике или Ред-Хуке. Может быть, он живет над очень интересным магазином или какой-нибудь мастерской. Этот молодой человек будет мускулистым и загадочно красивым, его присутствие настолько приковывает к нему внимание, что, когда он входит в комнату, все головы поворачиваются в его сторону. Во внутреннем кармане пальто у него всегда связка рукописей, он вытаскивает ее в кафе и начинает набрасывать строчки — и он всегда вскакивает, если вы подходите к его столу, неизменно счастливый встретить вас и уделить вам время. Скорее всего, у него есть книга, напечатанная на небольшом ручном прессе в Бруклине,

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА

и крупный нью-йоркский издатель уже ее взял и скоро должен выпустить в свет. Он будет обладать совершенно новой манерой писать — потрясающе простой и на первый взгляд необычайно легкой. Конечно, были бы и литературные посиделки — прекрасный вечер, который запомнят все.

Он будет безумно любить свою жену, беззаботную рыжеволосую красавицу, с которой вы в тот же миг расслабитесь, с которой, как вам кажется, можно говорить о чем угодно и которая обожает своего мужа. Эта пара *блистает*. Молодой человек будет привлекать к себе всех — всем хочется оказаться в поле его притяжения. Он окажется самым любопытным человеком из всех, кого вы встречали, и он и вас заставит изнывать от любопытства. Воображение этого молодого человека показалось бы любому, кому он повстречается на пути, бесконечно огромным, а будущая жизнь представляется ему одним большим приключением. Общение с ним — как наркотик. Затем, все так же пытаясь лучше понять объект своего исследования, я мысленно поместила бы этого блестящего писателя на Монпарнас, в начало 1920-х годов, в окружение Ф. Скотта Фицджеральда, Гертруды Стайн, Джона Дос Пассоса и Эзры Паунда.

Когда я представила жизнь Хемингуэя таким образом, она заиграла красками, как если бы я увидела ее собственными глазами. Окружавшая его среда приобрела цвет и объем, и показалось, будто мир все так же не сводил с него глаз — даже после трагической смерти писателя в 1961 году. Он стал волей-неволей олицетворением мужского потенциала — человеком, которым он и был и которым должен был быть. (Та культура требовала именно этого; как будто бы его появление стало удовлетворением потребности, о которой никто не догадывался.) С того самого момента, когда он появился впервые, отчаянно ухмыляясь и размахивая костылем в больничной палате недалеко от фронтов Первой мировой войны, каким мы увидели его в ранней кинохронике на экранах всей страны, Хемингуэй захватил всеобщее воображение. Но всегда существовал и другой Хемингуэй. Неопытный, долговязый летописец «потерянного поколения» уступил дорогу мужественному усатому Хемингуэю 1930-х годов, писавшему о подвигах на арене корриды, в глубоком море и африканском буше. В дни гражданской войны в Испании он вновь поразил нас трансформацией, на сей раз в политически ангажированного репортера и затем — в бесстрашного журналиста, сражавшегося в годы Второй мировой войны, и наконец в «Папу», бородатого и беловолосого, живую легенду послевоенных лет, живущего на Кубе. Он опубликовал несколько

романов и сборников рассказов, которые покупал и читал каждый, чтобы увидеть мир его глазами, совершенно другой мир — более яркий, более живой, стихийный и в то же время более романтический.

И все же потом что-то пошло не так. Такая возможность присутствовала всегда — она была в его генах, в его детстве среди членов эксцентричной семьи Хемингуэев. Может быть, все дело в том, что эпоха или народ спрашивали с него слишком много. А может, он не стал слушать разумные голоса, которые должен был услышать, чтобы создать свое лучшее произведение. В какой-то момент блестящая карьера начала оборачиваться трагедией.

Кажется, Эрнесту трудно было отдавать и принимать любовь, быть верным другом и, что самое трагичное, говорить правду, даже себе самому. К концу Второй мировой войны, хотя Хемингуэю было всего лишь сорок с небольшим лет, за плечами у него были уже три неудачных брака, почти не осталось хороших друзей, он утратил способность хорошо писать и окружил себя лакеями и подхалимами. К тому моменту у него было несколько серьезных травм, включая сотрясение мозга — которое сегодня мы бы назвали травматическим повреждением головного мозга, причем масштаб и разнообразие этого явления мы только начинаем осознавать. Признавая должным образом всю опасность ретроспективной диагностики¹, нам все-таки кажется вероятным, что Хемингуэй, кроме того, страдал от психического заболевания, включавшего симптомы мании и депрессии, настолько тяжелого, что временами оно трансформировалось в психоз. Несмотря на то что он был сыном врача, Хемингуэй слишком много пил, одновременно с приемом многочисленных предписанных лекарств, и отказывался следовать рекомендациям врачей. Особый склад ума, ограниченные возможности психофармакологии в те дни и стремление избегать конфузных ситуаций, поскольку он был публичной фигурой, лишили его возможности получить необходимую помощь. Позднейшие литературные произведения Хемингуэя свидетельствуют о неизменной путанице с гендерной идентичностью или, если выразиться более позитивно и прогрессивно, об открытости к изменчивости гендерных границ.

Хуже того, к 1950-м годам он был опьянен своим талантом. Даже на пике творческой активности сентиментальность и говорливость, бывало, прокрадывались в его романы. Снова и снова Эрнест оказывался в тупике с такими честолюбивыми замыслами, как «*Райский сад*», и потому почти

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА

не издавался; даже наиболее признанным зрелым произведениям, например повести «*Старик и море*», не хватало стремлений и страсти раннего творчества. Дела обстояли все хуже, его вселенная постепенно сжалась до границ усадьбы «Финка Вихья» на Кубе — которая превратилась в его собственный феодал. После того как на Кубе после революции стало фактически невозможно жить, Эрнест нашел приют в большом бетонном доме в штате Айдахо. Вскоре, более не способный получать огромное удовольствие от жизни, как когда-то, переставший верить в свой талант, Хемингуэй покончил с собой.

То, что произошло с Хемингуэем, стало трагедией для него самого, трагедией для его семьи, которой пришлось пройти через невероятные испытания и страдания, и трагедией для нас. Нет смысла снова перечитывать (и переписывать) его биографию, если мы просто лишний раз покроем слоем глянца легенду и найдем еще несколько возможностей восхититься ею — или если необдуманно обесценим литературное наследие, захватывавшее и вдохновлявшее нас почти целое столетие. Нам нужно понять, что произошло, отчасти потому, что утрата непомерна. Хемингуэй был, без сомнений, величайшим американским прозаиком. Именно благодаря ему мы теперь по-другому мыслим, ищем иное в литературе, по-другому решаем, как нам прожить нашу жизнь. Именно благодаря ему мы теперь по-другому думаем о смерти — о том, как ее пережить, как с ней примириться, — эту тему он исследовал, пожалуй, более глубоко и фундаментально, нежели любой другой американский писатель. Он изменил наш язык. Он изменил наш взгляд на Париж, Американский Запад, Испанию, Африку, Ки-Уэст, Кубу, северный Мичиган. Даже его родной город, Оак-Парк — хотя Эрнест очень редко писал об этом месте, равноудаленном от Чикаго и глухих уголков реки Де-Плейнс, — тоже был частью того, что сформировало Хемингуэя, и мы всегда будем смотреть на него другими глазами благодаря писателю.

Если мы хотим все это понять, то мы должны рассмотреть становление писателя, то, как его уникальный дар достиг полного расцвета и как писатель пришел к моральному разложению, даже если от зрелища такого рода мы предпочли бы отвести взгляд. Очень больно смотреть на то, как Хемингуэй прекратил взаимодействовать с миром, который сам же сделал для нас другим, так что даже посещение *корриды* в последние годы его жизни превратилось в кошмарный палимпсест того, чем это было в дни его молодости.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Сын Хемингуэя Патрик однажды сказал, что его отец вообще не знал, как стареть. В этом и может заключаться причина; Эрнест не представлял своего будущего в старости, и итог был поистине несчастливый. Нам остается только фантазировать, что мог бы сделать Хемингуэй, если бы вернул себе полную силу и отверг суицидальный импульс, допустим, из «домашних» переворотов 1950-х и 1960-х годов в США, революций, охвативших так называемый Третий мир, феминизма, энвайронментализма, Уотергейта, Рейгана. Новая Журналистика. Его любимая Испания после Франко.

Гарри, главный герой-рассказчик одного из самых сильных рассказов Хемингуэя, «Снега Килиманджаро», сам писатель, обдумывает свою жизнь и карьеру и, медленно угасая, признается в нереализованном призвании. «Столько всего было, о чем хотелось написать, — думает Гарри. — Он видел, как меняется мир... Все это он сам пережил, ко всему приглядывался, и он обязан написать об этом, но теперь уже не напишет». Хемингуэй признавал, что, как и его герой, он, бывало, отрекался от «обязанности» писать, но ему не удалось поступить в соответствии со своим пониманием — впрочем, возможно, он думал, что именно этот писательский «долг» и создает проблему. И в самом деле, едва ли можно утверждать о писательской «неудаче», если он сказал нам так много важных слов о войне и насилии, о природе, отношениях между мужчинами и женщинами, травмах и творчестве.

Есть и еще кое-что. Когда наша горячая дискуссия в Коммерческой библиотеке в тот вечер начала уже выдыхаться и затихать, кто-то привлек внимание модератора и поднялся добавить еще несколько слов. Повторяя мысль профессора, ранее признавшегося, что Хемингуэй позволил ему *делать* то, что он делает, этот человек сказал: «Я же хочу сказать, что именно благодаря Хемингуэю я *есть* тот, кто я есть». И сел. Я не могла определить пол выступавшего, но поняла, что он, вероятно, недавно был изменен.

В следующие несколько лет я буду пытаться узнать в своем исследовании жизни Хемингуэя, что он или она имела в виду.

Глава 1

Аделаида Эдмондс Хемингуэй, бабушка Эрнеста Хемингуэя по отцовской линии, вспоминала, как пожала руку Аврааму Линкольну, а Эрнест Холл, отец его матери, рассказывал о том, как на параде в Лондоне мимо него прошли две пары — королева Виктория с принцем Альбертом и Наполеон III с императрицей Евгенией. Их внук станет великим писателем в эпоху литературного модернизма — предвестник и вместе с тем дитя нового века. И именно на этой противоречивой разнице и создавал Хемингуэй свою личность в юные годы. Мы привыкли думать, что он страдал от физических ран в Первую мировую войну и от душевной травмы, отвергнутый медсестрой Красного Креста, которая ухаживала за ним в больнице, ради другого мужчины. Однако иные, более глубокие раны бередили его душу всю жизнь.

Эрнест Хемингуэй будет вести бродячую и богемную жизнь, но его предки были религиозными и трудолюбивыми людьми, солидными представителями среднего класса, в высшей степени почтенным семейством. Это были именно те люди со Среднего Запада, которые несколько десятилетий назад, после Гражданской войны, развернули строительство посреди прерий и создали в этой части страны экономический центр. Это были успешные люди и пуритане, потому что тогда таков был незыблемый закон в их обществе, уверенные, что материальное благополучие является заслуженной наградой за добродетельную жизнь.

И все же некоторые его предки были со странностями. Отец матери Эрнеста начинал каждое утро с молитвы на коленях вместе со всей семьей и слугами. Может, в этом и не было ничего необычного для того времени (хотя несколько непривычно представлять, что жизнь лучшего писателя-модерниста начиналась вот так). Эрнест Холл молился, глядя вверх, с воздетыми к небу руками, как будто он находился перед лицом самого Бога. Этот человек казался странным в пригородном Оак-Парке. Одежда,